

ПРИМЕНЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ АНАЛИЗА НАРРАТИВОВ В ИССЛЕДОВАНИИ «СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА»

В статье приводятся аргументы в пользу применения анализа нарративов в интерпретации данных интервью. Рассматриваются подходы Лабова и Тодорова. Выдвигаются предположения: (1) подход Тодорова, основанный на модели сюжета, предпочтительнее подхода Лабова, основанного на модели нарратива, (2) нарративы и сюжеты в ответах респондентов фигурируют в неполной, но распознаваемой форме.

Ключевые слова: нарратив, анализ нарративов, социальный капитал.

«Нарратив – организация материала в хронологически последовательном порядке и фокусирование содержания в единой связной истории» [9, р. 3]. Возвращение к нарративам в социальных науках связано с возрождением интереса к пониманию роли культуры групп и воли индивидов в качестве «важных каузальных агентов изменений» [9, р. 9]. Главная задача нарративов – поиск и изложение причинно-следственных (каузальных) объяснений. Нарратив – обыденная теория каузации, принадлежащая рассказчику [6]. Нарративы не объясняют эволюцию общества, но отчасти объясняют действия социальных групп и их отдельных представителей.

Францози (1998) называет 2 причины для социологов заняться анализом нарративов: «(a) нарративные тексты полны социологической информацией и (b) значительная часть наших эмпирических данных имеют нарративную форму» [1, р. 519]. Поскольку нарративы являются *обыденными*, «туземными» или «народными», способами объяснения, их способность служить в качестве *научных* объяснений неочевидна. С другой стороны, ни одно объяснение не может быть совершенно лишено всякой «нарративной» составляющей. Понятное описание есть всегда также и *объяснение*. Эту проблему анализировал Клиффорд Гирц, предложивший форму «плотного описания», т.е. такого текста, где собственно описание (перечисление внешне наблюдаемых событий и обстоятельств) слито с объяснением [2]. «Термин "плотное описание" не означает богатство или подробность отчета» [3, р. 288, note 5]. Текст может быть сколь угодно короток, но целостен и понятен в силу, например, нарративной организации.

Анализ нарративов в социологии обычно ссылается на авторитет гарвардского социолингвиста Уильяма Лабова. Связь между социологией и социолингвистикой обусловлена общностью объекта исследования – спонтанными описаниями опыта в форме диалогов, интервью, биографий и т.п. Работа Лабова изначально шла параллельно с работой социологов – в своем *opus magnus*, в «Языке во внутреннем городе» (1972), Лабов сетует на отсталость лингвистики в изучении синтаксиса языковой интеракции – дескать, социологи Сакс и Щеглофф, продвинулись гораздо дальше в изучении дискурса [4, р. 298]. Сегодня ситуация противоположна – в изучении «дискурса», «нарратива», «биографий» социология заимствует идеи нарративистов, развитые еще в 1970-х годах. Здесь необходимо учитывать, что нарратологическое направление не едино, а представлено несколькими традициями. Для социологии, - науки заимствующей, - важно учитывать неочевидные, но принципиальные различия между *источниками* заимствования. Последние могут быть проиллюстрированы подходами к анализу нарративов у Лабова и франко-болгарского историка и социолога Цветана Тодорова. Концепции нарратива у Лабова и Тодорова развиваются параллельно и независимо друг от друга.

Для Лабова, нарратив – серия ответов на вопросы в структуре нарративных категорий:

- a. Резюме (Abstract): *о чем будет рассказано?*
- b. Ориентация: *кто, когда, что, где случилось?*
- c. Осложняющее событие (Complicating action): *что случилось затем?*
- d. Оценка (Evaluation): *почему это важно или интересно?*
- e. Итог или разрешение (Result or resolution): *что случилось в итоге?*
- f. Кода (Coda) [4, p. 363, 370].

Такова *полная* форма нарратива. Усеченные формы возможны и обычны. Минимальный нарратив может состоять лишь из двух утверждений. Важно не наличие всех нарративных категорий, а порядок следования утверждений. Если перестановка утверждений приводит к изменению интерпретации рассказа, тогда этот рассказ – нарратив [4, p. 360-361; 5].

Т.о. для Лабова порядок *следования* есть также порядок *причинения*, т.е. порядок темпоральный, *временной*. Для Тодорова жесткой является не структура самого нарратива, идущая от *a* к *f*, от резюме к коде, а структура *сюжета*, стоящая за текстом с произвольным порядком изложения. Сюжет (plot), или «абстрактная литературная структура» [12, p. 72, 73], образован переходами: (1) исходное состояние равновесия, (2) нарушается внешней силой, (3) состояние неравновесия, (4) воздействие силы противоположной направленности (5) приводит к новому состоянию равновесия, которое подобно, но всегда нетождественно первому, исходному равновесию [10, p.39; 11, p. 111]. У Тодорова также есть концепт «минимального сюжета», а в концепте равновесия он демонстрирует явный социологизм: «Минимальный полный сюжет можно рассматривать как переход от одного равновесия к другому. Этот термин “равновесие” [...] означает существование устойчивого, но не статического отношения между членами общества; это социальный закон, правило игры, конкретная система обмена» [12, p. 75]. Аналогичная концепция у Лабова – т.н. «исходная матрица» (*initial matrix* *io*): «описание обычного поведения..., для которого вопрос “Почему ты сделал это?” глуп или неуместен» [7, p. 8]. Представления о равновесиях, безусловно, являются *естественными* конструктами: когда участники-рассказчики воображают существование таких состояний, они упорядочивают свои представления о действительности как противопоставление предпочитаемых и избегаемых ситуаций.

Подтверждают ли эмпирические данные идеи Тодорова и Лабова? В исследовании «Социальный капитал организации как фактор модернизации российской промышленности (на примере предприятий Пермского края)» (2017 г.) был проведен ряд интервью с рабочими и руководителями. Ответы респондентов в ряде случаев могут быть минимальными нарративами или сюжетами.

Приведем примеры ответов на вопрос «Как работники могут помочь в усовершенствовании организации производства на Вашем предприятии?»

[1] Умолчание – подразумеваемый аргумент:

«Работники, они пишут предложения, у нас вот раньше было 100-рублевое предложение, по улучшению своих технологий, вот они пишут это, рассматриваются и как бы если что-то действительно, реально, то выходит это в жизнь» [КС10:55-57].

Лабов возражает против возможности признавать нарративами описания обычных, повторяющихся событий. Однако в интервью с заместителем начальника цеха по производству фраза «у нас вот раньше было 100-рублевое предложение» явственно вводит в рассказ об обычном порядке *диахронию* – время «раньше» и время «сейчас». Очевидно, что аргумент к «раньше» избыточен в отчете об установившейся практике выдвижения предложений работников. В то же время роль этой вставки в рассказе не объяснена, но подразумевается. Итак, респондент объясняет активность работников в подаче предложений введенным либо отмененным когда-то способом стимулирования. Однако рассказ его неполон: отсюда остается не известным, было ли «100-рублевое предложение» отменено, либо оно остается в силе.

[2] Упорядочение на уровне сюжета:

«М, ну я думаю, тут мы должны помочь в первую очередь рабочим, они работают по той технологии, которую мы им даем, и по заданию, которое мы даем и оборудование, у нас есть журнал рабочих предложений, если что-то а они хотят дополнить, то они дописывают туда» [СК17:85-90].

Вновь отчет о регулярной деятельности имеет *диахронию* событий: сначала действуют одни участники («мы» в «мы им даем» технологию и оборудование), затем – другие («они... работают», «они дописывают»). Долженствование здесь сконструировано как интерпретация этой последовательности. Это упорядочение проведено на уровне *сюжета*, по Тодорову, а не *нарратива*, как требовал Лабов.

[3] Контр-фактуальное утверждение:

«Надо выходить, наверное, к рабочим, прислушиваться, люди работают по тридцать лет. Как так если 30 лет назад столько делали моторов, при таком же оборудовании при НУ людей в пуск у нас меньше, а сейчас страх. Не дай Бог мы сделаем это ну и конечно режущие, всё запинка, они новые придумывают новшества, но не спускается они [...] А чтоб спустились и проработали с ними, может как-то что-то переделать, может какие-то допуски, посадки так же, ну в общем применять элементарно, ту же самую математику только в жизни. [...] а то они спустили и требуют от нас, а плохо это или хорошо? А зачем? Там же придумали, там же как бы это самое, а прийти и на месте, ну я не знаю, это, просто глупо, по-моему, это вообще, они создали, а мы должны как в цирке, хлыстом нам сделали, а мы должны выкрутиться, чтобы все было хорошо» [КС8:102-118].

Контр-фактуальные утверждения, – сообщения о несостоявшихся, *irrealis* событиях, которые повлияли на результат, – являются бесспорными свидетельствами существования обыденных теорий каузации. Такие случаи в наших интервью довольно распространенные.

Пример 1 может претендовать на описание одного из состояний равновесия. (Вероятно, итогового, т.к. указано причиняющее событие «100-рублевое предложение»). В примере 2 равновесие подразумевается указанием на причиняющее воздействие – ввод в ситуацию нового оборудования и технологий. В примере 3 состояние описано *expressis verbis* – это ситуация *неравновесия*: работники испытывают «страх», боятся совершить ошибку, работая в новых условиях, и надеются на помощь ИТР.

Таким образом, использование нарративного анализа в интерпретации интервью должно учитывать ряд ограничений: (1) подход Тодорова более правдоподобен (необходимо опираться на структуру сюжета, а не нарратива), (2) нарративы и сюжеты могут фигурировать в данных в преобразованном, усеченном виде (необходимо учитывать распространенную практику *подразумевания* или *умолчания аргументов*). Ограничения, - предложенные, например, Стокоу и Эдвардсом (2006), - могут быть оспорены. Стокоу и Эдвардс ограничивают применение анализа нарративов: (1) по методу сбора данных – «при изучении нарративов, полученных в интервью, трудно увидеть, что в их повседневных жизнях люди *делают*, когда они рассказывают истории и, потому, что *призваны* делать истории», и (2) по целям интеракций – «какие разговорные действия совершаются путем рассказывания историй (например, жалоба, оправдание, флирт, свидетельские показания в суде, и т.д.) [8, р. 57]. В приведенных нами примерах истории респондентов (1) *оправдывают* практику, (2) *оправдывают* участников, (3) *жалуются* на практику. Во всех этих случаях ответы респондентов не были буквальными ответами на вопрос. Следовательно, эти сообщения – действия респондентов, а не исследователя.

Список литературы

1. Franzosi R. Narrative analysis or why (and how) sociologists should be interested in narrative / R. Franzosi // Annual Review of Sociology. - 1998. - №24. P. 517-554
2. Geertz C. Thick description: Toward an interpretive theory of culture / C. Geertz - In C. Geertz, The interpretation of cultures. - New York: Basic Books, 1973. - P. 3-30

3. Understanding and Validity in Qualitative Research / J. A. Maxwell // Harvard Educational Review. – 1992. – №62 (3). - P. 279-300.
4. Labov W. Language in the Inner City / W. Labov. - Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. 405p.
5. Labov W. Some further steps in narrative analysis / W. Labov // Journal of Narrative and Life History. - 1997.- №7. - P. 395–415
6. Labov W. “Uncovering the event structure of narrative” / W. Labov. - // Georgetown University Round Table 2001. Ed. Deborah Tannen and James Alatis. Washington, DC: Georgetown University Press, 2003. P. 63–83
7. Labov W. Where should I begin? / W. Labov. // Telling Stories. – 2010. - P.7-22. -Режим доступа: <http://www.ling.upenn.edu/~wlabov/Papers/WSIB.pdf>, свободный. (Accessed 10 Nov 2017)
8. Stokoe E., Edwards D. Story formulations in talk-in-interaction / E. Stokoe, D. Edwards // Narrative Inquiry. – 2006. - №16(1). P. 56–65
9. Stone L. The Revival of Narrative: Reflections on a New Old History / L. Stone // Past & Present. – 1979. - №85 (November). – P. 3-24. -Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/650677>, свободный. (Accessed 21 Sep 2017)
10. Todorov T. The 2 Principles of Narrative / T. Todorov // Diacritics. - 1971. - Vol. 1. - №1. - P. 37-44. -Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/464558>, свободный. (Accessed 13 Jun 2017)
11. Todorov T. The Poetics of Prose. Trans. Richard Howard / T. Todorov. - New York: Cornell University Press, 1977. - 272p.
12. Todorov T., Weinstein A. Structural Analysis of Narrative Source / T. Todorov // NOVEL: A Forum on Fiction. – 1969. - Vol.3. - №1. - P. 70-76 -Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/1345003>, свободный. (Accessed 13 Jun 2017)

A.E. Kuznetsov, Iu.S. Markova

THE EMPLOYMENT OF ELEMENTS OF NARRATIVE ANALYSIS IN THE STUDY OF «SOCIAL CAPITAL»

The paper argues for the application of narrative analysis in the process of interview interpretation. The approaches of Labov and Todorov are considered to advance two proposals: (1) Todorov’s approach, based on the model of a plot, is preferable to the Labovian, based on the model of narrative structure; (2) narratives and plots in interview accounts often emerge in transformed though recognizable form.

Keywords: narrative, narrative analysis, social capital.